

ПАМЯТЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

5

ПАМЯТЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 5

МОСКВА 1981

ПАРИЖ 1982

Представитель редакции за рубежом:
Natalya Gorbanevskaya, 45, rue Gay-Lussac, 75005 Paris

© Editions La Presse Libre
1982

Tous droits réservés pour tous pays.

Toute reproduction, même partielle, de cet ouvrage est interdite. Une copie ou reproduction par quelque procédé que ce soit, photographie, microfilm, bande magnétique, disque ou autre, constitue une contrefaçon passible des peines prévues par la loi du 11 mars 1958 sur la protection des droits d'auteur.

Imprimé en France.

Е.И. Замятин

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТ ОСНОВАНИЯ И ДО СЕГО ДНЯ

Публикация В.Троицкого

Публикуемый текст — это шуточная история одного из наиболее известных послереволюционных издательств. Напомним поэтому только самые основные факты из жизни «Всемирной литературы».

Договор о создании издательства был подписан 4 сентября 1918 Горьким (как представителем литературно-издательской группы — Горький, А.Н.Тихонов, И.П.Ладыжников, З.И.Гржебин) и Луначарским — наркомом просвещения РСФСР. Договор и смета (6,5 млн. руб.) были утверждены СНК, а ВСНХ передал в распоряжение издательства типографию газеты «Копейка». Заведующим издательством, политически ответственным за его работу и одновременно комиссаром типографии был назначен Горький. Первоначальный план состоял в издании за три года (срок договора) библиотеки классиков западных литератур — 800 томов «основной» серии (по 20 печ.л.) и 2000 брошюр «народной» серии (по 2-4 печ.л.). Формально издательство находилось в ведении Наркомпроса, по сути же было совершенно самостоятельным. Отбором книг для перевода, обсуждением структуры томов, выбором редакторов и переводчиков занималась специально образованная Коллегия экспертов, члены которой утверждались группой основателей издательства.

Весной 1919 Горький добился расширения и без того грандиозной программы: было постановлено издать все шедевры не только западных, но и восточных литератур, и для этого была создана Восточная коллегия экспертов. Одновременно почти вдвое (до 1500 томов) был увеличен предполагаемый объем «основной серии». При издательстве организуется подсобная библиотека (постепенно разросшаяся до 70 тыс. книг), студия для обучения мастерству перевода, которой руководили члены Коллегии экспертов; роскошные каталоги «Всемирной литературы» выходят на четырех языках*.

* Каталоги были отправлены по почте многим иностранным писателям и политическим деятелям — «дабы пролетарии Запада а также А.Франсы, Уэллсы и разные Шейдемань видели воочию, что российский пролетариат не токмо не варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди, и что он в самых гнусных условиях, какие только можно представить себе, сумел сделать в год то, до чего им давно пора додуматься». (Из письма Горького Ленину в январе 1919. М.Горький. *СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ*. Т.29, М.,1955, с.388).

Усилиями многих литераторов в короткий срок были переведены, отредактированы и снабжены квалифицированными предисловиями сотни книг. Но лишь немногие из них увидели свет. Уже к июню 1919 было полностью подготовлено к печати 3 тыс. печ.л., к августу 1920 — еще столько же (или даже несколько больше). Однако издала «Всемирная литература» за это время лишь 53 книги и брошюры общим объемом 476 печ.л. В 1921 рукописи продолжали интенсивно поступать, но за весь год не было издано ни одной книги. Традиционно указываемые причины провала гигантского горьковского предприятия: дефицит бумаги, непокупаемость классической литературы в условиях гражданской войны, ее «непригодность для целей агитации и пропаганды» — видимо, справедливы.

При такой низкой продуктивности даже у тех, кто взялся за работу в надежде на «небывалый расцвет культуры» и «важнейшую просветительную роль» «Всемирной литературы», все иллюзии должны были пропасть довольно быстро, не позднее чем к концу 1920 — началу 1921. Но смысл существования «Всемирной литературы» отнюдь не исчерпывался ни количеством выпущенных книг, ни «привлечением старой интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью» (такова общепринятая в советской науке точка зрения. См., напр.: О.Д.Голубева. *ГОРЬКИЙ — ИЗДАТЕЛЬ*. М., 1968, с.112).

Главное заключалось в том, что в первое советское трехлетие, с его голодом и смертями, для множества писателей и переводчиков издательство стало средоточием духовной жизни, культурным убежищем. Здесь получали профессиональную работу, обсуждали сделанное со специалистами, спорили о характере комментариев — словом, здесь совершалось то, что только и могло заставить интеллигента-гуманитария поверить в реальность и ценность своего существования в мире хаоса и разрушения*.

И еще одно, не менее важное: «всемирные литераторы» пытались помочь своим авторам выжить физически. Горький откровенно заявлял Луначарскому, что издательство «является для огромного большинства сотрудников единственным источником их существования» («Архив А.М.Горького». Т.ХIV, М., 1976, с.98). Коллегия экспертов распределяла заказы независимо от репутации редакторов и переводчиков в глазах новой власти. Гонорары выплачивались не после издания книг, а частично после сдачи готовых рукописей и окончательно после подписания корректур. Благодаря этому правилу оказалось возможным выплатить гонорары сотням литераторов**. Когда деньги почти перестали что-либо значить, издательство пыталось дополнить или вовсе заменить гонорар продовольственным пайком (обычно пшеном или рыбой). («Удалось наладить одну очень хорошую операцию. Мы даем Мурманскому парткому РКП 50-60 комплектов наших изданий, а они взамен выдают пудов 200 соленой рыбы (треска, пикша, сельди)», — находим в редакционной переписке лета 1921.) Конечно, и гонорары, и пайки были недостаточны для нормального существования, но

* Ср. в известном заявлении руководителей издательства в зарубежную прессу: «...все они [члены Коллегии экспертов — п у б л.] сходятся на убеждении, что в наше трудное и страшное время спасение духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал себе прежде». — Цит. по: *ЧУКОККАЛА*. М., 1979, с.195.

** Известны случаи, когда оплачивались рукописи, вовсе не заказанные «Всемирной литературой» и не имевшие шанса быть в ней изданными. Так, в мае 1919 были выданы гонорары Блоку, Кузмину, Мережковскому, Ремизову и др. за невышедшие сборники, принятые у них ранее Редколлегией Союза деятелей художественной литературы.

все-таки оказывались важным подспорьем во времена, когда закрытие независимых газет, журналов и издательств отрезало писателям почти все возможности заработка.

Идеологическая независимость «Всемирной литературы», ее самостоятельность в выборе того, что и как печатать, огромные суммы, затрачиваемые ею (при малом количестве изданных книг), приводит уже в 1920-21 к острым столкновениям с Госиздатом РСФСР, которому издательство формально подчинялось с лета 1919. Взаимные претензии «Всемирки» и Госиздата рассматривала весной 1921 комиссия ЦК РКП(б). В этот раз Горькому удалось отстоять автономность «Всемирной литературы» в рамках Госиздата (по этому поводу есть даже утвержденное Политбюро 19.03.1921 специальное Постановление), но осенью 1921 Горький уехал за границу, и в его отсутствие борьба разгорелась с новой силой.

С началом нэпа деятельность издательства оживляется. Оно переходит на хозрасчет, приступает к печатанию популярных на книжном рынке современных зарубежных авторов. При издательстве начинают выходить пользующиеся спросом журналы «Современный Запад» и «Восток». Но все это, улучшив экономическое положение «Всемирной литературы», не может решить вечный конфликт с Госиздатом. В результате, в декабре 1924 издательство перестает существовать.

* * *

Уже с середины 1920-х появляются публикации (в основном, связанные с именем К.И. Чуковского и подытоженные в 1979 изданием *ЧУКОККАЛЫ*), дающие представление об особой внутренней атмосфере «Всемирной литературы». Эта атмосфера определялась контрастом между грандиозностью планов и результатами работы, между горьковскими заявлениями об общечеловеческой культурной и гуманистической миссии «Всемирной литературы» и реальностью Петрограда времен военного коммунизма и красного террора. Контрасты порождали ощущение призрачности, экстерриториальности «Всемирки» в революционной России и, одновременно, ироническую самооценку «исторического значения» трудов и дней издательства.

Из текстов такого рода наиболее известна блоковская *СЦЕНА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»* (Александр Блок. *СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ*. Т. 3, М.-Л., 1960, с. 422-425). В нашем распоряжении — еще несколько образцов «домашней» литературы издательства. Из них полностью мы публикуем *КРАТКУЮ ИСТОРИЮ...*, автором которой является Евгений Замятин, а из *ЕЖЕГОДНИКА «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»* и «драмы» *РУКА ВСЕВЫШНЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВО СПАСЛА* печатаем только характерные отрывки (см. Приложение).

К *ИСТОРИИ* Замятин обращался трижды: в 1921 и 1922 — во время традиционных празднований Рождества в издательстве — и в последний раз 16 декабря 1924 года, в день, когда все находившиеся тогда в Петрограде члены Коллегии экспертов сделали записи в *ЧУКОККАЛЕ* по случаю закрытия «Всемирной литературы». Этот лист воспроизведен в издании 1979 года. Здесь, среди прочих откликов (А.А. Смирнова, Н.О. Лернера, А.Л. Волынского, С.Ф. Ольденбурга, В.М. Жирмунского и других), над рисунком М.Л. Лозинского, изображающим кита (Госиздат), приготовившегося проглотить утлую лодчонку («Всемирную литературу») находим:

Таким образом, мы предлагаем вниманию читателя первые две части того текста, с третьей частью которого он уже знаком по *ЧУКОККАЛЕ*.

Надо помнить, что, прежде всего, замятинская *ИСТОРИЯ* — произведение художественное, к тому же шуточное, и его нельзя, конечно, воспринимать как традиционный «исторический источник». Показательно в этом смысле, что, повествуя об «ужасных событиях» и «великих бедствиях», автор сознательно умалчивал о событиях истинно трагических — смерти Ф.Д.Батюшкова в марте 1920, А.А.Блока в августе 1921, о расстреле Н.С.Гумилева в том же месяце. Этих ушедших из жизни членов Коллегии экспертов автор в круг персонажей не вводит. Все же в *ИСТОРИИ* мы находим немало подлинных сюжетов, «кусочков жизни»: голод, эмиграцию интеллигенции (за границу уехала почти половина членов Коллегии экспертов), борьбу с Госиздатом, аресты осени 1922 и многое другое.

Кого же мы видим среди действующих лиц *ИСТОРИИ*?

Зиновий — Зиновий Исаевич Гржебин (1869-1929), художник, занявшийся в 1905 издательским делом. Был близок к Горькому. Заведовал до лета 1919 техническим отделом «В.л.», отвечал за коммерческую сторону дела. В 1919 организовал собственное «Издательство З.И.Гржебина». Осенью 1921 выехал за границу, вел широкую издательскую деятельность, разорился, умер в нищете (будучи сотрудником советского торгпредства в Париже).

Август Максим — Максим Горький, инициатор создания «В.л.». Благодаря его личным дружеским связям с Лениным и другими вождями большевиков, издательство смогло просуществовать первые три года. От руководства издательством фактически отошел задолго до своего отъезда за границу в октябре 1921.

Корний — Корней Иванович Чуковский (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков, 1882-1969), к моменту создания издательства — блестящий язвительный критик, входил в Коллегию экспертов «В.л.», ведал изданием англо-американской литературы.

Цезарь Тихон — Александр Николаевич Тихонов (1880-1956), по образованию горный инженер, друг Горького, с 1915 главный его помощник в издательских делах (редактор-издатель журнала «Летопись» и газеты «Новая жизнь», владелец издательства «Парус», бессменный зав. редакцией «В.л.»). По отзыву Чуковского, «единственный среди нас деловой человек, очень властный и требовательный» (*ЧУКОККАЛА*, с.205). После закрытия «В.л.» был редактором альманахов «Круг», издательств «Федерация» и «Academia», возглавлял редакции серий «История фабрик и заводов», «Жизнь замечательных людей» и др. В составе архива Тихонова (хранится в ИМЛИ) — масса документов «В.л.».

Браун — Федор Александрович Браун (1862-1942), профессор Петербургского университета с 1900, филолог-германист. В Коллегии экспертов руководил немецким отделом (вместе с А.А.Блоком). В 1920 по командировке Наркомпроса выехал в Германию, в 1923 стал профессором Лейпцигского университета, но еще долго сохранял советское гражданство.

Левин-сон, сын Левия — Андрей Яковлевич Левинсон (1887-1933), критик, знаток балета. Во «В.л.» вел (вместе с Н.С.Гумилевым) отдел французской литературы. За границу уехал в начале 1921 (хлопотал с середины 1920) «для изучения текущей литературы» (из ходатайства Горького Луначарскому).

Сразу после отъезда порвал с Советской Россией, резко нападал в эмигрантской печати на Горького.

«Зачатый под виноградной лозой» — Григорий Леонидович Лозинский (1889-1942), литературовед, переводчик, в Коллегии экспертов ведал испанской и португальской литературой. В советских публикациях упоминается глухо и иногда смешивается со своим братом Михаилом Леонидовичем, занявшим после эмиграции Г.Л. его место в Коллегии экспертов.

Сильверсван, он же *Серебряный Лебедь* — Борис Павлович Сильверсван (1883-1934), филолог-скандинавист, член Коллегии экспертов не ранее чем с начала сентября 1921. К этому же времени относится его знакомство с будущей женой Евдокией Петровной Струковой (она же *Прекрасная Евдокия*), секретарем «В.л.», давней сотрудницей А.Н.Тихонова (секретарствовала еще в «Летописи»). Обстоятельства неожиданного для окружающих их совместного отъезда за границу в конце 1921 нам неизвестны.

Василий — Василий Михайлович Алексеев (1881-1951), филолог-китаист, профессор Петроградского университета с 1918, член-корреспондент РАН с 1922, академик с 1929. Член Восточной коллегии экспертов со времени ее основания (апрель 1919).

Иоаким бен-Леви — Аким Львович Волинский (Хаим Лейбович Флексер, 1863-1926), знаменитый критик-идеалист, искусствовед, страстный балетоман, руководитель Школы классического балета («Хореографического техникума»). В Коллегии экспертов вел отдел итальянской литературы. Псевдоним намекает на страстную защиту Волинским (в статьях и докладах) значения иудаизма для мировой культуры.

Брауд — Евгений Максимович Браудо (1882-1939), критик, музыковед, «медоточиво-любезный профессор» (*ЧУКОККАЛА*, с.205). Вошел в Коллегию экспертов во второй половине 1919. После отъезда Ф.А.Брауна и смерти А.А.Блока руководил отделом немецкой литературы. Автор массы вступительных статей к книгам, издаваемым «В.л.» (в издательстве бывала шутка о специально изобретенном приборе для написания вступительных статей — Браудографе).

Эвгенес — автор *ИСТОРИИ*, Евгений Иванович Замятин (1884-1937), член Коллегии экспертов, руководил, вместе с К.И.Чуковским, изданием англо-американской литературы и Литературной студией при «В.л.». В 1931 выехал за границу, сохранив советское гражданство.

Игнотус — Игнатий Юлианович Крачковский (1883-1951), арабист, член Восточной Коллегии экспертов с апреля 1919. В 1921 был избран действительным членом РАН.

Лукуллов друг Павел, именуемый также *Елисеем* — Павел Елисеевич Щеголев (1877-1931), историк и пушкинист, в начале 1920-х редактор-издатель журнала «Былое». Во «В.л.» подрабатывал редактурой. В *ИСТОРИЮ* попал по причине своей солидной коллекции, являвшейся предметом постоянных шуток окружающих.

Пророк Божий Иона — Илья Ионович Ионов (Бернштейн, 1887-1942), старый большевик, руководивший издательским делом в Петрограде в первое десятилетие Советской власти. По характеристике Чуковского, «сварливый, бездарный и вздорный маньяк» (К.Чуковский. *СОВРЕМЕННОСТИ*. М., 1967, с.433). Брат З.И.Лилиной — первой жены Зиновьева.

Фидея (верная) — Вера Александровна Сутугина-Кюнер (1892-1969), работала в издательстве с момента его основания, сначала техническим сотрудником (подсчитывала строчки для оплаты поэтических переводов), затем — после отъезда Е.П.Струковой — стала секретарем редакции. После закрытия

«В.л.» была переведена в ГИЗ, где работала до 1931. В 1935 была выслана из Ленинграда. Жила сначала в г.Данилове Ярославской области, затем в Куйбышеве и в Сенгилее Ульяновской области. В Ленинград вернулась после 1956. Пробовала писать воспоминания о «В.л.» и о поэте В.А.Зоргенфрее, с которым была очень дружна, но, кажется, не закончила эту работу. В 1960-х она перепечатала сохранившиеся у нее образцы шуточной литературы «Всемирки» и один из экземпляров подарила писательнице Р.Зерновой. От нее эти тексты попали к нам. Возможно, что при перепечатке В.А.Сутугина допустила какие-то ошибки, но исправить их мы не можем, т.к. не имеем возможности сверить находящуюся в нашем распоряжении машинопись с исходным экземпляром.

Замятинская *ИСТОРИЯ* писалась для «внутреннего пользования», для «посвященных», поэтому для нынешнего читателя в ней немало темных мест. Объяснить некоторые из них мы пытались в примечаниях, остальные станут понятны при более полном изучении «Всемирной литературы».

Часть первая

Подобно многим царствам, Всемирная Литература возникла среди воинственных кликов, и дыма пожарищ, и мечного звона, в дни, когда перед силою железа склонились многие могущественные властители¹. Один из них, именем Зиновий, первым принес жертву богам завоевателей, после чего тотчас был поставлен ведать сокровищницей Августа Максима, но жертва его, как мы впоследствии узнаем, была не от сердца, и в душе своей он затаил месть.

Август Максим заложил основание царству на Невском, 64, и первый год его правления был явно благословлен богами. Из окрестных пустынь ежедневно притекали многочисленные караваны переводчиков и, раскинув пестрые шатры, торговали плодами своих земель, получая по 250 бумажных сиклей за лист, чего в те древние и изобильные времена с избытком хватало на приобретение одного фунта хлеба. Влекомые слухами об изобилии, стекались во множестве ученые мужи из готских, франкских, халдейских, вавилонских, индийских, египетских и иных стран².

Два юных менестреля, оставив тлетворный обычай писания стихов о прекрасных дамах, ежедневно составляли азбуки для просвещения покоренных Августом диких племен³. Два корифея Дионисовых плясок, забыв о жертвах неистовому и прекрасному Богу, явились во дворец Августа, смущая ученых мужей видом украшенных виноградными листьями тирсов⁴. И, наконец, пришел человек из страны, где удивленный чужеземец видит у граж-

дан не языки, но смертоносные змеиные жала, что составляет там гордость равно старцев и юношей. Человек этот, именем Корний, пришедши на Невский, 64, зна́ком показал, что желает принести жало в жертву Богам, после чего всенародно изъято у него было жало, а в уста ему вложен был язык некоего благодного и доброго старца.

Так в первый год правления Августа Максима процветала земля Всемирной Литературы, добродетель и любовь к отечеству была велика, поля и жены равно плодородны.

Но уже три бледные Сестры, прядущие нити человеческих судеб, усталые, задремали, перепутались нити, и над благодатной страной нависла туча неожиданных и ужасных событий. Первым же из них была жестокая месть сказанного выше Зиновия.

Был великий и светлый день: исполнилось 50 лет Августу Максиму, и все племена Всемирной Литературы, многоголосые и разноязычные, как весенний лес, собрались на Невском, 64, дабы оказать Августу надлежащие почести. Весь день звонили медные языки колоколов и людей. Мужи, жены и дети длинной чередой подходили и возлагали цветы и ветви у подножия статуи Августа и подносили ему для благословения младенцев обоего пола, и в золотых кадильницах курили ему фимиа́м. От синих благовонных дымов многие лишались сознания, но и лишенные сознания продолжали говорить, так что никому не заметно было странное действие этих волшебных курений, и никто не видел, как из-под тоги вынимал Зиновий исписанные арабскими цифрами кусочки папируса и клал их в кадильницы⁵.

Когда же настало утро и дыхание розовоперстой Эос прогнало дым, то все изумленно увидели незнакомые стены, шкафы и диваны, и спрашивали друг друга: «Где мы?», — и опоясанный мечом привратник Михаил отвечал: «На Моховой, 36». С воплями и рыданиями бросились на Невский, 64, но здесь в дверях встречал их Зиновий и, зло торжествуя, спрашивал: «Вам кого? Здесь издательство Гржебина». И с ужасом узнавали, что силою чар и волшебных курений пленен Август Максим⁶.

С того дня уже не видел больше Августа Максима во Всемирной Литературе, и власть принял некий юноша, 35 лет или более, именем Тихон. Правление этого нового цезаря было обильно многими происшествиями и бедами. Юноша этот рожден был под знаком Скорпия, о рожденных же под Скорпием так сказано в гороскопе Брюса: «Сей есть природы и естества Скорпия, студен и мокр, наклоны же Марса, сиречь непрестанен и немирен, тело свое украшать охотник, и помыш-

ления его к великой любви жен, но не весьма плодороден; счастье имеет купить и продавать; смерть же его будет от дьявольского привидения или от деяний женских»⁷.

Под темным знаком Скорпия — скорби и скудости — текла жизнь на Моховой, 36, и происходили многие вещие знамения. Когда заседали мужи Совета, внезапно погасали светильники, как бы от ветра. Каждый пятый день недели неведомая, в черных вретницах, женщина неслышными шагами проходила сквозь закрытые двери — и за нею, так же неслышно, священное и злое животное египтян — кошка. И, поднятые невидимой рукой, на глазах у всех исчезали папирусы и книги⁸.

Вслед за знамениями и видениями явилась болезнь, дотоле неведомая и получившая теперь название Дельфской, по имени оракула в Дельфах. Пораженные этой болезнью мужи Совета истекали словами, как истекает кровью воин, насквозь пронзенный звонко летящей стрелою⁹. А затем начался голод и мор, и опустели сокровищницы цезаря, несчастно рожденного под знаком Скорпия. Женщины из племени переводчиков толпами приходили к цезарю Тихону и протягивали к нему младенцев, рожденных в изобильные времена Августа Максима, и, раздирая на себе одежды, обнажали перед Тихоном иссохшие груди и требовали денег. Он же платил им по 25000 бумажных сиклей за лист, но даже и одного фунта хлеба нельзя было купить на них, ибо были там обозначены письма кушитские, хамитские и иудейские, и, опасаясь наказания от подлинных Богов за нечестие, никто не хотел брать этих сиклей и менять их на хлеб¹⁰.

И вот однажды ночью проходил Тихон между освещенных зеленым серпом Дианы и молчаливых стен, когда из зеленого сумрака вышли, подобно дочерям Горгоны, переводчицы и потребовали не языческих, но истинных денег. С привычной твердостью цезарь отвечал им: «Завтра», и тогда переводчицы кинулись на него и, ударяя его железными посохами нещадно, переломили ему ногу. И лишь наутро Тихон был поднят шедшими к источнику за водой и перенесен во дворец. Но о происшедшем цезарь строго запретил разглашать, и лишь немногие знали, как сломана была его нога. Народу же сказано было, что сломал ногу цезарь, упав с колесницы.

После этого происшествия началось запустение и уныние и еще больше скудость во всем. Охладел пепел перед алтарями богов, в портиках храмов пауки невозбранно плели паутину,

и лишь в храме Весты, как прежде, пылал ярко огонь, рачительно блюдимый Евдокией, верной служительницей Богини.

Тем временем смятение и страх вошли даже в защищенные железной мудростью сердца мужей Совета. И вот один из них, именем Браун, что значит темный или коричневый, явился к цезарю Тихону и сказал ему так: «Скудость в нашей земле, проклятой от богов, и вся жизнь наша под знаком Скорпии. Дай мне сиклей, и привезу тебе товаров из Готских стран». И, облобызав, отпустил его Тихон. И каждый вечер, когда Феб окрашивал кровью своей весь запад, восходил Тихон на стены, и с ним истомленные жены и мужи, и все, приложив ладони к глазам, смотрели с надеждой в даль: не закружится ли пыль под копытами коней, везущих Брауна из Готской страны, но по-прежнему дорога была желта и пустынна.

Тогда пришел к Тихону другой муж Совета, именем Левинсон, что значит из великого колена Левия, и сказал Тихону: «Нет прощенья Брауну. Дай мне сиклей, и я поеду в Готские страны, чтобы привезти оттуда товаров и Брауна, заковав его в железа». И, облобызав, отпустил его Тихон. И каждый вечер, когда из желтых становились розовыми камни на стенах, все восходили и с надеждою смотрели вдаль, но никого не было видно.

Тогда пришел к Тихону третий муж Совета, о котором знали, что зачат он был под виноградною лозой, и сказал Тихону, что поедет в Готские земли и привезет товаров, и Брауна, и сына Левия, надев на них цепи. Облобызав, отпустил его Тихон. Но и этот, подобно двум прочим, не вернулся, прельщенный мерзкою красотою готских жен. Узнав о том, Август Максим, преодолев силу волхваний Зиновия, сам пришел к Тихону и сказал ему так:

— Нехорошо. Я поеду в Готские земли и привезу в оковах Брауна, и сына Левия, и зачатого под виноградною лозою, и товаров.

И, уехав, также не вернулся, прельщенный готскими женами.

Тогда, скорбный и томный, как дерево с почерневшей от ледяного Борея листвой, пришел Тихон в храм Весты, где по-прежнему ярко пылал огонь, поддерживаемый верной Евдокией. И, низко поклонившись, сказал ей цезарь:

— Ты одна неизменна, — и щедро вознаградил ее.

И одному из немногих оставшихся мужей Совета сказал:

— И ты неизменен, да будет благословенно имя твое Серебряный Лебедь, — ибо имя его было Сильверсван, что значит Серебряный Лебедь.

Серебряный Лебедь отвечал Тихону:

— Так, цезарь, неизменен я, как серебро, и чисты мои помыслы, как лебединые крылья. Мне верь. Дай мне сиклей, и я привезу от готов Брауна, и сына Левия, и зачатого под лозой, и Августа Максима. И клянусь: завтра утром увидишь меня здесь — и их со мною.

И, облобызав, с спокойным сердцем отпустил его Тихон, и с спокойным сердцем пришел утром на Моховую, 36. Но, входя, почувствовал: зимним холодом повеяло на него. И увидел: покрытый пеплом алтарь строгой Весты и лежит на полу развязанный пояс, и узнал Тихон пояс Евдокии, и спросил:

— Что значит это? И где Евдокия?

Отвечали ему с рыданием и воплем:

— Ночью сегодня Сильверсван и с ним тридцать всадников ворвались в храм Весты, и Сильверсван, связав нас, похитил прекрасную Евдокию.

И затворился Тихон, и пробыл у себя весь день и всю ночь, и никто не видал его. Когда же вышел, то был он уже не юноша, но зрелый годами муж, и так сказал народу:

— Храните мудрость мужей и целомудрие жен. Мне же внушено богами самому пойти в Готские земли и, разрушив чары готских жен, привезти назад Брауна, сына Левия, и зачатого под лозой, и Августа Максима, и Серебряного Лебедя, и прелестную Евдокию.

Народ же и мужи Совета растерзали на себе одежды и восклицали: «Горе нам. Горе», — ибо знали, под Скорпием рожден Тихон и суждено ему погибнуть от деяний женских, и не было случая, чтобы изрек ложь гороскоп Брюса. И каждый вечер восходили на стены и смотрели вдаль, но желта была даль и пустынна, и не вернулся Тихон, опутанный золотыми сетями, ибо как бы из золота волосы у готских жен¹¹.

Как младенец привычным ртом припадает к материнской груди, хотя бы и не было в ней молока, так и мужи Совета, лишившись цезарей, все же заседали привычно в опустелых чертогах на Моховой, 36, хотя не было здесь ни продажи, ни купли, и не оглашали стены пестрым, разноязычным говором переводчиков. И в эти последние дни восстал среди мужей Совета один, именем Василий, что значит Цезарь или Князь, ибо был он, как обнаружилось позже, князем многих китайских и иных племен. И, наущенный восточными демонами, стал этот муж проповедовать некий новый язык, соблазняя всех вместо Теккерей говорить Сакры, вместо Соути — Сазы, вместо Перси — Песы, вместо Бернэй — Бены. И в простоте все многократно

повторяли за ним эти страшные слова, не ведая, что это имена подчиненных ему китайских и иных племен, сильных чернокнижием и волхованием, и одним лишь словом обращающих дев в жен и производящих смертельный смех и великие неистовства¹².

И вот, призванные силой заклинания, в белый и тихий вечер 25-го декабря, Моховую, 36 несметными полчищами осадили Сакры и Сазы, Шанзы и Песы, Бены, Серапионы¹³, хвостатые и пестрые, иные о трех ногах, иные с четырьмя глазами, иные в звериных шкурах, иные же почти без одежд, и ворвались в священные стены, и разрушили установленный богами порядок шкафов и стульев, и началась варварская музыка, и скаканье, и бесовские игры, и мужи Совета, забыв о чадах и о всех постигших отечество бедах, искали забвения в вине и в объятиях чужеземных женщин.

Так кончился третий год в землях Всемирной Литературы. Четвертый же начинается сегодня, и чем он кончится — ведано лишь троим бледным Сестрам, управляющим судьбами людей, и царств, и самих Богов¹⁴.

Евг. Замятин.

25 декабря 1921 г.
СПб.

Часть вторая

Те времена, о каких мне ныне должно повествовать вам, — времена изобилия, но равно и времена сатанинской волшбы, восстания лжепророков, великих бедствий и знамений небывалых. И как некогда великий Равви изгнал торгующих из храма, так теперь, в отмщение, торгующие изгнали его из храмов, разнося звон бумажных сиклей и неистовый шум торговли всюду — даже в тихую доселе обитель Всемирной Литературы¹⁵.

Народами же Всемирной Литературы продолжал тогда править цезарь Тихон из рода финикийских купцов, отчего ум его был остр в торговых делах. А старейшим в Совете был мудрый Иоаким бен-Леви, деливший свою жизнь поровну между изучением священных книг и созерцанием танцев прекрасных дев из Бактры, Дакии, Вавилона и Шебы¹⁶. Ибо от круговращения, — учил он, — подобного круговращению семи небесных сфер, и дух, вращаясь, дионисийски возносится к небу. И еще так

говорил он: «Когда взираешь на плавные приседания танцующей девы, то ощущаешь ясно, как по хребту струится ток некоего драгоценного растительного масла»¹⁷.

Изречение это запало в финикийскую душу цезаря Тихона, и он, никому не сказав, в непрестанных заботах о Всемирной Литературе умыслил некоторую хитрость.

Подкупив рабыню в Яслях Искусства, как прозывался дом Иоакима бен-Леви, цезарь Тихон проник в его спальню¹⁸. Здесь он совок с себя одежду, прикрепил крылья к ногам и, как надлежало, фиговый лист — занял на пьедестале место Меркурия, ибо он был во многом сходен с предприимчивым Богом.

И вот в таинственный час, когда Диана возносит в небо холодный, как ее сердце, серебряный щит, — дверь заскрипела, и бледный, изнеможенный великим зрелищем танцев — вошел мудрый Иоаким, неся в руках некий сверток, обернутый темной тканью. Не дыша, ждал цезарь Тихон, что произойдет дальше, и глазам его представилось зрелище поразительное. Иоаким бен-Леви осторожно развернул ткань и вынул оттуда прозрачную хрустальную амфору, полную драгоценным растительным маслом. Затем, перейдя с амфорой к ложу, он откинул исписанное письменами покрывало — и внизу, под ложем, цезарь Тихон узрел сокровищницу мудрого Иоакима: целые ряды сверкающих от огня амфор. Цезарь Тихон, забыв, что он Меркурий, с своего пьедестала воскликнул: «Иоаким, Иоаким! Отныне я знаю источник твоих богатств».

Устрашенный тем, что дотоле безмолвная заговорила статуя Бога, — Иоаким бен-Леви поспешно скрылся. А цезарь, поставив на место статую и захватив с собой, сколько мог, амфор драгоценного масла, вернулся к себе во дворец на Моховую.

С того именно дня началось изобилие во Всемирной Литературе. Продав часть масла Иоакима бен-Леви, цезарь Тихон купил хлеба, одежды, обуви, геркулеса — и в летние, напитанные болотистой пылью и тишиной вечера Моховая оглашалась звонким ржанием нагруженных онагров и веселыми разноязычными песнями народов Всемирной Литературы. Тем же драгоценным маслом цезарь Тихон умащал дотоле непреклонных властителей страны Госиздата, где, как известно, среди людей и подобно людям, разнообразные деревья ходят, живут и говорят, осеняя всех тенью. Так установлена была мирная торговля даже с этими, обитающими среди скал, воинственными племенами¹⁹.

Но не от труда и благочестия, а от волшбы Иоакима бен-

Леви и коварства цезаря Тихона произошло это богатство, и вскоре обнаружилось, кто невидимо управлял как описанным, так равно и всеми следующими происшествиями.

Был вечер. Солнце, умирая, закрыло лик свой пурпурной тогой, как некогда Гай Юлий — чтобы не видеть кинжал предателя Брута. В обгаженном солнечной кровью покое заседали мужи Совета. И вот встал один из них, по воле Рока носивший имя, подобно звучащее имени Брута, — Брауд он звался — и сказал им:

— Благородные мужи. Благо отечества прежде всего. Я и мой друг Амадеус Гофман — предлагаем вместо драгоценного, но неизвестным путем добываемого масла — изготовить и продавать эликсир сатаны.

Как неразумная птица не может раскрыть ореховой скорлупы и вынуть ядро, так ослепленные богами мужи Совета не могли снять скорлупы с этих слов нового Брута и увидеть то ужасное, что было внутри, но лишь неразумно состязались в том, как назвать эликсир: эликсир сатаны, эликсир дьявола или же эликсир черта. И каждый из них всю свою долгими ночными бдениями приобретенную мудрость расточал лишь затем, чтобы, опорочив сатану и оклеветав черта, — превознест дьявола. И когда старейший в Совете — Иоаким бен-Леви возгласил: «Кто за дьявола?..» — мужи Совета как один подняли руки²⁰.

В тот же момент нос у называвшего себя Брауд загнулся клювом, на глазах у всех этот муж Совета вытянулся под потолком, затем — как над рекою купающийся — склонился над чернильницей, простирая сложенные руки, и нырнул головой вниз — так что снаружи торчали лишь две тонкие — и все тоньше — ноги, превратившиеся в обыкновенные обгрызенные ручки для письма.

— Он отправился домой, — сказал ослепленный, как и все, Иоаким бен-Леви и спокойно, первым — взял из чернильницы ручку и скрепил протокол, предающий Всемирную Литературу во власть дьявола. Едва лишь Иоаким бен-Леви поставил точку, как с легким, но все же явственно слышным стоном опрокинулось навзничь солнце, забрызганное кровью и хлопьями снега, кружась, посыпались неслыханные события и соблазны.

Наутро цезарь, взяв с собой, по обычаю, драгоценного масла, отправился в каменистые горы Госиздата. Среди мужей Совета в то время был один, носивший греческое имя Эвгенес, что значит благородный, ибо родом он был из счастливых греческих провинций. По странной игре случая, сказанный

Эвгенес и цезарь Тихон — лицом и всем телом даже до последнего — были совершенно подобны друг другу. Был же Эвгенес набожен, не знал ни вина, ни языческих ночных бдений, ни прельстительных женских уст, но лишь писал благочестивые и поучительные истории, служа примером для многих.

В то самое время как цезарь покинул страну, Эвгенес, идя в храм, услышал, как дьявол, принявший образ привратника Михаила, приветствовал его так: «Да живет цезарь!» — и тотчас же злое семя, запав в душу Эвгенеса, разрослось дремучей чащей, населенной сатирами и дриадами.

Вернувшись из храма, Эвгенес вошел во дворец цезаря через триумфальный устланный пурпуром вход, и стража — как перед цезарем — склонила перед ним знамена. Даже вернейшая из домоправительниц цезаря — Фидея, что значит Вера — по воле богов не увидела, что это не цезарь, но лишь коварно похитивший вид цезаря Эвгенес²¹.

Войдя и дерзко воссев на трон цезаря, Эвгенес принимал послов, творил суд и щедрой рукой расточал казну — ибо не он собирал ее. Многие прекрасные женщины приходили в те дни во дворец и спрашивали: «Здесь ли цезарь?» Фидея отвечала им: «Здесь», — и проводила их в покои цезаря и ревностно охраняла двери, ибо знала, что приходили те женщины, чтобы дары свои и любовь принести цезарю, но не знала, что Эвгенес коварно похищает принесенное цезарю.

Как игрок, распаленный удачей, все смелее и смелее бросает кости, так Эвгенес, наущаемый дьяволом, простирает дерзость свою все дальше. И вечером, однажды, омывшись благовонной водой, этот святотатец вошел в цезареву опочивальню, где, окруженная рабынями, перебирая струны греческой лиры, на одиноком ложе тосковала жена цезаря.

— О мой цезарь, — воскликнула она, простирая к нему руки и все свое тело. — Ты вернулся неожиданный, но тем горячее бьется мое сердце. Вот, посмотри.

— Да будет благословенно твое сердце, — отвечал Эвгенес и преступною рукою похитил биение из сердца.

И неизвестно что было бы дальше, ибо, по сказанному, Эвгенес во всем до последнего был подобен цезарю Тихону. Но в этот опасный миг в опочивальню вошел подлинный цезарь, только вернувшийся из суровых гор Госиздата.

Вскочив, во гневе, жена цезаря — голосом, медно звучащим, как боевая букцина, — сказала:

— Кто ты, дерзкий, осмелившийся войти ко мне, когда здесь цезарь со мною?

Цезарь же Тихон отвечал:

— Безумная, или ты не узнаешь меня, супруга своего и цезаря? Вот сандалии мои, еще серые от праха пустынь, ибо только сейчас я из гор Госиздата и, даже не сменив одежды, стремился к тебе.

Эвгенес же сказал:

— Не внимай словам дерзкого, хитростью желающего похитить твою любовь. Вот руки мои — они еще в чернилах: клянусь, ими я только что подписывал там, наверху, имя цезаря.

С рассеченным надвое и истекающим кровью сердцем жена цезаря, рыдая, воскликнула:

— Горе мне. Которому же из двух мне отдать объятия, не совершая ужасной ошибки?

На что Эвгенес, по наущению дьявола, сказал:

— Наибольшей жестокостью будет, если ты откажешь супругу в том сладком отдыхе, ради которого он спешил по горам и пустыням. Поэтому я полагаю, ты лишь в том случае с уверенностью избавишься от ошибки, если отдашь свое сердце обоим.

Но цезарь, обнажив меч, возразил с гневом:

— Довольно. Эту ночь ты будешь одна. А завтра я созову мужей Совета, и ты увидишь, кто из нас цезарь. А ты, Эвгенес, завтра увидишь свое последнее солнце.

Это жестокое слово цезаря Тихона исполнилось, но по-иному, ибо сами боги взяли меч в свои руки, чтобы поразить подписавших договор с дьяволом.

В ту темную ночь с грохотом сдвинулись хрустальные небесные сферы, не иссякая лил дождь и песок на землю; листья и камни, предупреждая, всю ночь непрестанно шептали одно и то же какое-то слово. Но никто его не услышал.

И никто не услышал, как в Капитолий Всемирной Литературы вторглись чужеземные воины. Первым же, к кому они вошли, был коварный Эвгенес. Войдя к нему, его, обнаженного, подняли с ложа и спросили:

— Кто ты и что делаешь?

Эвгенес отвечал:

— Если вы ищете цезаря — я не цезарь. Я лишь пишу благочестивые и поучительные истории.

— Мы хотим знать, чему ты учишь. Читай.

И обнаженный Эвгенес читал им, а воины слушали, вложив пальцы в нос, что было в их стране знаком презрения. А затем сказали:

— Где же твое благочестие? Ты не пишешь слова единого хвалы нашим истинным кумирицким богам и их статуям. Возьми с ложа подголовье твое и покрывало и иди в темницу: там будешь жить, пока не познаешь истинного благочестия.

И всадили его в темницу.

Затем вошли в дом к другому мужу Совета, именем Игнотус, что значит неведомый или на неведомых языках говорящий, ибо в обширных землях Всемирной Литературы правил он арабскими и халдейскими племенами. И, увидав у него всюду во множестве арабские письмена, так сказали ему:

— Как смеешь ты, нечестивый, молиться иным, нежели нашим кумирицким богам и их статуям?

На что Игнотус отвечал:

— Не молитвы это, но лишь амантные стихи шейха Абу-Темана.

Воины же, в знак презрения вложив пальцы в нос, сказали ему:

— Мы не знаем твоих мерзких арабских писмен. Возьми покрывало твое и подголовье и иди в темницу: там будешь, доколе не научишь нас мерзким арабским письмам, дабы могли мы увериться, что ныне не лжет твой коварный язык.

И всадили его в темницу²².

И пришли к третьему мужу Совета, именем Корний.

Когда пришли воины к Корнию, он в страхе, невзирая на седину своих волос, внезапно размножился — и как боевыми колесницами и катапультами, окружив себя двенадцатью своими детьми, — жалобно закричал:

— Ужели, о жестокие, хотите вы гибели этих нежных младенцев!

И сделал тайный знак одному из младенцев, который, повинувшись, начал петь воинам свои стихи, сочиненные им накануне. Засунув пальцы в рот, что в их стране служило знаком одобрения, воины долго слушали. Затем, убаюканные сладкой музыкой, задремали. Корний же, взяв жену и младенцев, скрылся в темной ночи и проводил с тех пор жизнь, скитаясь в отдаленных лесах²³.

Меж тем разверзшее ложесна небо все еще изливалось черным дождем, молнии перекрещивались, как бы зачеркивая славную историю Всемирной Литературы. Цезарь же Тихон пламенел неправедным гневом на невинную супругу, — если правильно только назвать супругу невинной. И во гневе приказал он зажечь все светильники наверху во дворце, приказал принести зажигающих кровь асийских вин и призвать танцовщиц Иоакима бен-Ле-

ви. Не внимая мольбам казнохранителя Кателлана²⁴, он горстью брал золото по курсу Госбанка и кидал его женщинам, а те перед ним кружились, маня его глазами, губами, мерной музыкой своих бедер. От взвешенного вихря одежд их тухли светильники, черное лицо ночи прижималось к окнам, гром, сотрясая стены, предвещал небесный гнев, а неистовый цезарь Тихон, ища забвения, пил вино уже не из чаши, но из полных до краев уст.

И здесь свершился над ним суд богов. Некая женщина, приняв на время насекомый вид, ужалила его в губу. Опыяненный винами и грехом, Тихон ничего не заметил.

Но вот — бледное, как бы от ужаса, утро. Пробудившись среди поваленных на пол светильников, разбросанных по полу яств, опрокинутых чаш, цезарь крикнул раба. Раб вошел, но только лишь взглянул в лицо цезарю, как, не в силах сдержаться себя, — засмеялся, зажимая рот рукой. Разгневанный цезарь приказал взять его и казнить. И позвав Фидею, что значит Вера, ибо до того часа была она вернейшей, — ей сказал:

— Или уже не цезарь я? Взгляни мне в лицо.

Фидея, взглянув, засмеялась громко и убежала вон.

Еще не зная, но уже предчувствуя нечто недоброе, цезарь спустился вниз к супруге, и так сказал ей:

— Вот я, супруг твой, Теперь, при свете Феба, ты узнаешь ли меня?

Но супруга, взглянув в лицо ему и громко смеясь, отвечала:

— Мой цезарь был подобен Фебу. Ты же... взгляни на себя, жалкий лежец.

Цезарь схватил из рук ее серебряное зеркало — и увидел, что губа у него распухла, как чрево женщины, носящей в себе дитя. И не зная, что Эвгенес уже в темнице, цезарь вскричал:

— Ты победил, Эвгенес.

С того часа овладела им болезнь, поразившая некогда Ирода: каждая часть его тела — все вместе и всякая по отдельности — чесались неистово и от малейшего прикосновения росли, подобно тесту, заквашенному искусной хозяйкой. И вскоре обилием и размерами членов своего тела превзошел цезарь даже Лукуллова друга Павла, называемого также Елисеем. А снаружи, меж тем, все громче неистовый грохот и вой волн, и вопли народа. Как человек, выпивший чрезмерно вина, бежит, рыча, качаясь и сбрасывая с себя одежды, так упившиеся дождем воды Невы вырвались из гранитных одежд и, сокрушая все на пути, катились по улицам, — и вот уже шипят и пенятся

на Моховой. В страхе народ звал богов и звал цезаря. Цезарь вышел и, еле шевеля набухшей губой, с обычным величием произнес:

— Фя здесь. Фя с фами.

Но никто его не узнал — и он, в отчаянии, закрыв лицо плащом, замешался в толпу и вместе со всеми слушал, как выли в тысячи труб аквилоны, смотрел, как волны, подобно бешеным быкам, с разбегу бились лбами в стены дворца.

И вдруг увидел: вскипела белая борозда, как бы след от невидимой галеры, из самого чрева волн — грозный водяной фонтан вверх. Затем всенародное — ах! — и на Моховой вынырнул из воды кит, разинул ужасную пасть еще шире — и изрыгнул в воду некоего человека.

Человек этот, вида дикого и необычного, фыркая, выплыл, ухватился за блестящую, как мокрая сталь, спину кита, влез на чудовище и, бия себя в грудь, закричал:

— Я пророк Божий Иона. Горе тебе, блудница вавилонская, Горе тебе, нечестивая многоязычица. Горе тебе, не знающая истинного Бога. Я послан от Иеговы, чтобы возвестить тебе гибель. И вот, по воле Божьей, кит поглотит тебя.

Тогда, осеня себя крестным знаменем, цезарь Тихон вышел и сказал киту:

— А ну попробуй.

Поощряемый сверху пророком, кит разинул огромную, дышащую смертельным холодом пасть, лякнул зубами, схватил руку цезаря Тихона... В груди у каждого остановилось, как бы на краю пропасти, сердце. Вот уже заглотил обе руки, вот скрылась голова — и вдруг кит закашлялся, поперхнулся и извлек Тихона обратно. Ибо пораженный, по мудрости богов, спасительной болезнью, был цезарь Тихон размеров нечеловеческих, превосходящих даже размеры Павла, именуемого Елисеем.

Народ ликовал. Пророк во гневе ударил кита ногою, вновь прыгнул в воду и стал входить обратно во чрево кита. Когда же видна была одна его голова, он, грозя рукою, прокричал:

— Горе тебе, горе. Мы еще вернемся²⁵.

Вернутся ли они или нет — о том знают лишь Парки, держащие нити человеческих судеб. Пока же восплещите и возрадуйтесь, ибо счастливой болезнью и мужеством цезаря Тихона спасена была от врагов земля Всемирной Литературы²⁶.

Евг. Замятин

СПб. 25-XII-1922 — 7-I-1923.

¹ Первое сообщение в печати о создании «В.л.» появилось через несколько дней после объявления «красного террора» («Известия ВЦИК» 10.09.1918. Статья **МАКСИМ ГОРЬКИЙ И КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ** помещена на 3-й полосе рядом со сводками с фронтов и рубрикой «красный террор», где приведены сотни фамилий расстрелянных по постановлениям ЧК. Ср. запись Блока 24.09.1918: «Расстреляли в Валдае Меньшикова (нововременца) /.../ Горький и Тихонов — договор с правительством на три года: издавать в типографии «Копейки» под фирмой "Всемирная литература"». — А.Блок. **ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ**. 1901-1920. М., 1965, с.428. Далее — А.Блок. ЗК, с. ...).

² Говорится о наплыве в издательство желавших заработать переводами (см. об этом в приложении I). Гонорары, которые платили во «В.л.» тогда, — 250 рублей («сиклей») за печатный лист перевода, были сравнительно высоки. Согласно постановлению от 8.10.1918, зарплата в Северной области, центром которой был Петроград, колебалась от 500 (тюремные сторожа) до 1200 (областные комиссары) рублей в месяц — см.: **ПЕРВЫЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ СОЮЗА КОММУН СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ**. Пг., 1918, с.197-198.

³ Очевидно, имеются в виду А.А.Блок и Н.С.Гумилев. Под составлением азбук для диких племен может подразумеваться или их работа над издательскими планами «В.л.», или участие обоих поэтов в созданной при издательстве и отделе театров и зрелищ Петросовета Комиссии исторических картин, которая, по замыслу Горького, должна была инсценировать в популяризаторских целях всю историю человеческой культуры.

⁴ Очевидно, имеются в виду А.Л.Волынский (см. о нем в предисловии) и выдающийся филолог-классик Ф.Ф.Зелинский (1859-1944), автор глубоких исследований об античном театре («дионисовых плясок»).

⁵ Пародийное описание празднования дня рождения Горького 30.03.1919 (Горький тогда ошибочно считал, что родился в 1869). Ср. репортерский отчет: «Редкой в наши дни задушевностью отличалось /.../ чествование М.Горького» («Жизнь искусства», 2.04.1919). Здесь же см. тексты приветственных выступлений Ф.А.Брауна, А.А.Блока, З.А.Венгеровой, А.Ф.Даманской, Ф.Д.Батюшкова — «фимиама». См. также воспоминания К.Чуковского: «Бокалы для шампанского были налиты чаем (без сахара), каждый участвующий получил по роскошной лепешке величиной с пятак» (**ЧУКОККАЛА**, с.198; на с.200 см. фото, сделанное на юбилее).

⁶ Уже весной 1919 Горький почувствовал, что рамки «В.л.», ограниченные только переводной художественной литературой, для него недостаточно широки, и с головой ушел в издательское начинание Гржебина, еще более гигантское,

* Как почти всякий комический текст (особенно кружковый), замятинская **ИСТОРИЯ** основана на иронических цитатах. Некоторые из них очевидны (вроде пушкинского **ПРОРОКА** в описании Чуковского), другие выявить более сложно, но мы в данных примечаниях этим вопросом не занимаемся, комментируя текст только с точки зрения исторической.

чем «В.л.» (см.: *ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.М.ГОРЬКОГО*. Т.3, М., 1959, с.126.). По мнению современного исследователя, «универсализм этого издательства не знает себе равных в мировой издательской практике /.../ Гржебин брал на себя обязательство издать чуть ли не все, что написано человечеством» («Лит. наследство». Т.80, М., 1971, с.675). Процесс размежевания «В.л.» и «Издательства З.И.Гржебина» проходил летом 1919 и закончился в августе, когда «В.л.» переехала на Моховую, 36, оставив помещение на Невском, 64 (бывшую редакцию «Новой жизни») в распоряжение Гржебина. Особняк на Моховой принадлежал раньше, по словам Чуковского, генеральше Хириной (*ИЗ ДНЕВНИКА*, 1919-1921. — «Вопросы литературы», 1980, №10, с.297. «Весь Петроград на 1917» называет владелицу — Надеждой Александровной Хариной), по другим сведениям, он был реквизирован у турецкого или греческого подданного Кристьянца (который еще долго пытался судиться с издательством за свою мебель). «Привратник Михаил» — швейцар издательства «седовласый Михаил Яковлевич» (см. цит. стр. *ДНЕВНИКА* Чуковского).

⁷ Пародия на гороскопы известного *БРЮСОВА КАЛЕНДАРЯ*.

⁸ «Гаснущие светильники» — видимо, имеется в виду частое отключение электричества в Петрограде зимой 1919-20. Женщина с кошкой — сюжет неясный.

⁹ «Дельфская болезнь» — намек на частые (два раза в неделю), отнимавшие массу времени и сил заседания Коллегии экспертов «В.л.», где велись общетеоретические дискуссии, зачастую далекие от практической деятельности издательства.

¹⁰ Чудовищная инфляция заставляла издательство постоянно повышать гонорары. Нам известны нормы оплаты на май 1920: за вступительные статьи, предисловия и примечания — 4000 руб. за печ. лист; за переводы стихов — от 7 р. 50 коп. до 18 р. 50 коп. за строку; за печатный лист переводов прозы — от 1750 до 1950 руб. Смета издательства на 1921 составляла уже 150 млн. руб. Отказ переводчиц принимать «сикли» с кушитскими и др. письменами означает следующее: несмотря на то, что с 1919 уже были распространены советские деньги, «В.л.» еще в 1920 продолжала расплачиваться с сотрудниками думскими знаками («керенками»), потерявшими к этому времени всякую покупательную способность.

¹¹ Предыдущие страницы рисуют картину эмиграции первоначального состава Коллегии экспертов «В.л.», начавшейся сразу после заключения мирных договоров Советской России с прибалтийскими государствами в 1920 и достигшей своего апогея во второй половине 1921. Большинство сотрудников уезжали в Европу по командировкам Наркомпроса. Последовательность отъездов (Браун, Левинсон, Г.Лозинский, Горький, Сильверсван со Струковой) отражена в *ИСТОРИИ* верно. Отъезд Тихонова в конце 1921, описанный Замятиным, был одной из его очередных командировок по делам издательства (Тихонов пытался наладить печатание книг за границей), и вскоре он вернулся в Петроград.

¹² Известно, что В.М.Алексеев выступил со специальным докладом на Коллегии экспертов, в котором предложил новую (фонетическую) транскрипцию английских слов (см. в сб.: *ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА КИТАЯ*. М., 1972, с.154). Незузнаваемость получающихся в русской графике имен и мотивирует шутку Замятина. Обыгранные имена: Теккерей (Thackeray), Саути (Southey), Перси — первого имени Шелли (Percy), Бёрни (Burney).

¹³ Шутка со словом Шанзы, возможно, имеет в основе название китайской *КНИГИ ПРИТЧЕЙ О ДАО* (Tshoung-tzeu), которая готовилась к печати издательством. Серапионы — «Серапионовы братья», литературное содружество молодых петроградских писателей, оформившееся в начале 1921. Ядро его составили участники литературной студии при «В.л.». Здесь речь идет об их участии в традиционном праздновании Рождества во «В.л.».

¹⁴ Конец 1921 — эпоха полной неопределенности в жизни «В.л.». Эмиграция видных деятелей издательства, полное отсутствие продукции в 1921, истечение срока договора Горького с СНК, наконец, отсутствие самого Горького — все это ставило под сомнение возможность продолжения существования издательства.

¹⁵ Говорится о резком изменении работы «В.л.» в 1922, когда издательство перешло на самоокупаемость. В связи с этим «В.л.» стала издавать современных писателей (Г.К. Честертон, Ж. Ромена и др.), возникла серия «Новости всемирной литературы», постепенно занявшая ведущее место в издательской продукции. В 1922 на нее приходилось 9 книг из общего числа изданных 50, в 1923 — 25 из 67, в 1924 в «НВЛ» вышло 23 книги (общее количество за этот год неизвестно).

¹⁶ Называются древние страны: две известны из античных источников (Бактрия, Дакия) и две из библейских — Вавилон и Шеба (в славянской традиции — Сава).

¹⁷ Стиль статей и выступлений Волынского, а также его балетная школа — тема постоянных пародий и шуток в кругу сотрудников «В.л.». Ср. в *ЕЖЕГОДНИКЕ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*, где опубликован доклад Волынского: *УЛЬТРАЗКЗБИЦИОНИЗМ У АЦТЕКОВ*: «Я люблю ацтеков. В них есть вообще что-то сверхкрасочное, адамантовое, эссенциальная эксцерпция. Когда вы смотрите на эти удивительные тела, когда вы ощущаете космические упругости их девушек, вы проникаетесь теплотой мистики, вы весь поднимаетесь навстречу предчувствуемому солнцу. Я люблю ацтеков. В них есть нечто элогиастическое. Когда я читаю никем не прочитанные их письма и вижу баллон супрабога в элевации героической идеи, — некоей динамоапперцепции, я вдохновляюсь: меня нет, хотя по-прежнему сижу перед вами, я испаряюсь в огненной буре и лечу навстречу гордому и грозному элогиму» и т.п.

¹⁸ Ясли Искусства — «Дом искусств», в общежитии которого Волынский был одной из самых заметных фигур. В том же доме находился и Хореографический техникум, директором которого был Волынский.

¹⁹ Сюжет с растительным маслом, похищенным Тихоновым у Волынского, неясен.

²⁰ Спор о переводе названия романа Гофмана *DIE ELEXIERE DES TEUFELS*. В издании 1897 года он назывался *ЭЛИКСИР САТАНЫ*. Члены Коллегии экспертов «В.л.» после дискуссии сочли, что точнее *ЭЛИКСИР ДЬЯВОЛА*. Однако во «В.л.» успел выйти только 1-й том *ИЗБРАННЫХ СОЧИНЕНИЙ* Гофмана (1923, предисловие Браудо), и этот роман туда не попал.

²¹ Основа сюжета — по-видимому, отъезд Тихонова в очередную командировку в Москву и временное замещение его Замятиным на посту заведующего редакцией.

²² Осенью 1922 произошла высылка за границу большой группы интеллигентов, идеологически неприемлемых для режима. Среди подвергшихся аресту, но после этого не высланных, были Замятин (подробнее см.: Ю.Анненков. *ДНЕВНИК МОИХ ВСТРЕЧ*. Т.1, Нью-Йорк 1966) и Крачковский. Упоминаемые в тексте «благочестивые и поучительные истории» — намек на заглавия замятинских рассказов (ср. изданный им в 1927 сборник *НЕЧЕСТИВЫЕ РАССКАЗЫ*). Непосредственным поводом для ареста и предполагаемой высылки Замятина могли послужить его «сказки» — *ЦЕРКОВЬ БОЖИЯ* и *АРАПЫ*, представлявшие собой открытую политическую сатиру, опубликованные в начале 1922 в России и получившие широкий резонанс в эмигрантской прессе. Абу-Темам (ок. 805-846) — составитель антологии образцов лучших арабских поэтов.

²³ О визите к Чуковскому «чужеземных воинов» — сотрудников ГПУ — осенью 1922, кажется, сведений в печати не появлялось. Если считать, что изложенный Замятиным эпизод имеет под собой реальную основу, то авторами стихов, «понравившихся воинам», могли быть оба сына Ч.: как Николай, тогда начинающий 18-летний поэт, так и 12-летний Борис, обладавший блестящими версификаторскими способностями.

²⁴ Казнохранитель Кателлан — управляющий делами издательства Самуил Борисович Каштелян. В дальнейшем — работник Госиздата и ОГИЗа. В 1920 - 30-е жил на Моховой, 36.

²⁵ После отъезда Горького за границу «В.л.» могла еще три года сохранять свою независимость только благодаря благожелательной позиции, занятой по отношению к ней заведующим ГИЗом в 1921-24 О.Ю.Шмидтом, по-видимому, не желавшим портить отношения с наркомом Луначарским, постоянным покровителем «В.л.», и академиками, членами Коллегии экспертов. И Н.Л.Мещеряков, председатель коллегии ГИЗа, и заместитель Шмидта И.И.Скворцов-Степанов, оба старые большевики (в отличие от Шмидта, вступившего в партию только в 1919), постоянно резко нападали на «В.л.», упрекая ее в ненужности издаваемых книг и немарксистском характере предисловий. Однако главным противником «В.л.» оставался все годы И.И.Ионов, заветной идеей которого было влить «В.л.» в отдел иностранной художественной литературы руководимого им Петроградского отделения ГИЗа. Одна из попыток Ионова 1922 года «проглотить» «В.л.» изображена в замятинской *ИСТОРИИ*. В этот раз Тихонову удалось отстоять издательство, видимо, заручившись сильной поддержкой в Москве.

²⁶ Как только в конце 1924 Ионов был назначен заведующим Госиздатом РСФСР, он осуществил свои планы. 13.12.1924 он подписывает приказ о расформировании Коллегии экспертов, а 15.12.1924 направляет во «В.л.» требование о немедленной сдаче всего редакционного портфеля, делопроизводства и помещения издательства специальной комиссии (этот уникальный по тону документ см. в *ЧУКОККАЛЕ*, с.231). Попытки Горького и ультимативные требования Коллегии экспертов сохранить Тихонова в руководстве ГИЗом оказались безуспешными. Одновременно с «В.л.» были закрыты редактируемые Тихоновым журналы «Современный Запад», «Восток», «Русский современник». Сам Тихонов в 1925 оказался (правда, ненадолго) в тюрьме — причины нам неизвестны. Однако в 1930-х Тихонову и Ионову вновь пришлось работать вместе — в издательстве «Academia». На этот раз их конфликт разрешился иначе. Находившийся на вершине фавора Горький, по-прежнему покровительствовавший Тихонову, отправил докладную записку в ЦК, где заявил, что «поведение

Ионова граничит с вредительством» («Архив А.М.Горького». Т.Х, ч.1, М., 1965, с.82. Ср. здесь же письмо, посланное одновременно Ионову: «Я вас считаю человеком ненормальным»). После этого издательская карьера Ионова закончилась, его перевели в «Межкнигу». Через несколько лет он был арестован и погиб в лагере. По иронии судьбы, из всех персонажей *ИСТОРИИ* таким образом кончил свою жизнь он один.

Приложение

I. Из *ЕЖЕГОДНИКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Шуточный *ЕЖЕГОДНИК*, объемом в 6 машинописных страниц (в два столбца через один интервал) датирован 7 января 1923 года, т.е. тем же самым днем, что и вторая часть замятинской *ИСТОРИИ*. Разделы *ЕЖЕГОДНИКА* — *ТЕЛЕГРАММЫ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА, ГОРОДСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ, НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ, ОБЪЯВЛЕНИЯ*. Есть и несколько сравнительно больших материалов вне разделов. Приведем полностью три из них. В первом, стихотворении «трудящегося Вас. Синекурова», — ирония по поводу популярности продукции издательства в той аудитории, которой, если верить многочисленным декларациям, она была предназначена; здесь обыгрываются названия выпущенных издательством романов Г.Мейринка, Р.Роллана, Ж.Ромена, имена авторов, издаваемых «В.л.». В «воспоминаниях» о Достоевском — описание атмосферы будничного дня в редакции, осаждаемой толпами желающих получить работу переводчиков. Третий из текстов, хотя и не имеет прямого отношения к «В.л.», но также представляет известный интерес (упомянутый здесь «сибирский мамонт» — конечно, Всеволод Иванов).

1. Вперед, вперед!

Европа нас водила за нос,
Нам было нечего прочесть,
Пока судьба не привела нас
На Моховую, 36.

С тех пор стопою непреклонной
Россия движется вперед —
Что значит грамотный, снабженный
Статьей Браудо перевод!

Взрывая новь, весенним полем
Бредет крестьянин за сохой.
Он в правой крепко держит «Голем»,
А правит левою рукой.

Закройщик фабрики «Победа»
Поднялся рано, до гудка:
Он любит Грацию Даледда
Читать при свете огонька.

Едва сойти успев с вагона,
Берутся, по прибытии в парк,
Вожатый — за Кола Брюньона,
Кондукторша — за Жанну д'Арк.

Качая малого ребенка,
Или белье в тазу моча,
Читает «Доногоо-Тонка»
Жена рабочего-ткача.

Винтовку смазав маслом гарным,
Уселся взводный на скамье.
Он наслаждается Верхарном,
Леконт де Лиллем и Готье.

И вся Россия — как в угаре,
И все твердят, сквозь сладкий хмель:
«Когда же выпустят Феррари,
Когда появится Клодель?»

Трудящийся Вас. Синекуров.

2. Достоевский во «Всемирной литературе» (Из воспоминаний)

Петербург. Вторник 13 мая 1919 г. С утра небесные знамения: майский снежок, термометр на 0 и т.п.

Приемный зал «Всемирной литературы». Народу труба непротолченная. Бывшие сенаторы, уцелевшие генералы, старушки, от которых пахнет болонками, нюхательным табаком и ячменным кофе. Все просят переводов (преимущественно с французского). У кабинета Тихонова керосиновый хвост. Сквозь толпу метеорами пролетают Браун и Чуковский. На диване Гумилев ест грузинки и сладострастно обсасывает пальцы. А.Ганзен громко и горячо доказывает кому-то преимущество селедки из

инженерного кооператива перед воблой из Общества журналистов.

Евдокия Петровна Струкова за своим столом, заваленным проектами решительных писем к неисправным редакторам и переводчикам. Перед нею небольшого роста господин; одет старомодно, борода с проседью, манеры скромные, тихо покашливает.

Евд. Петр.: Вы ко мне?

Достоевский (ибо это был он, как выражаются дрянные беллетристы): Так точно. Моя фамилия — Достоевский. Хотел бы справиться о моем переводе «Евгении Гранде» Бальзака.

Евд. Петр. (нисколько не смущаясь): Ах да, Достоевский. «Евгения Гранде». (Заученным голосом): К сожалению, издательство не может воспользоваться вашей работой.

Достоевский (с отчаянием): Но почему же?

Евд. Петр. (замороженным голосом): Редакционная коллегия рассматривала ваш перевод и нашла его не соответствующим нашим требованиям. (Заметно смягчаясь): Впрочем, может быть, вы потолкуете с А.Я.Левинсоном, исправите ваш перевод, а я переговорю с Александром Николаевичем. Можете приобрести у нас в конторе брошюру «Принципы художественного перевода». Вы еще недостаточно художник. Полезно будет вам также записаться в нашу Студию, походить на лекции Виктора Шкловского. Он вас поучит искусству прозы.

Достоевский: Какого Виктора?

Евд. Петр.: Да Шкловского же, неужели не знаете?

Достоевский (удивленно): Шклов-ско-го? (Берет свою «Евгению Гранде» и, махнувши рукою, в обратный пускается путь. На улице): Извозчик, на Волково!

Извозчик: Положите триста.

(Достоевский разевает рот и тает в тумане чудного петербургского дня).

Заштатный фельетонист

Примечание: Редакция держится преобладающего в широких литературных кругах мнения, что Достоевский похоронен не на Волковом кладбище, а в Александро-Невской Лавре. Считаюсь, однако, с тем, что настоящая статья принадлежит перу одного из виднейших историков и знатоков литературы, редакция не решается вводить исправлений.

Возможно, Впрочем, что, по мысли автора, Достоевский едет жаловаться Белинскому или Добролюбову.

3. Письмо Серапионовых братьев (Перепечатано из «Московской правды»)

Уважаемый тов. Редактор, с Новым годом!

Не имея собственного журнала, где бы мы могли печатать свои декларации с портретами, мы вынуждены обратиться к официальной прессе.

Лунц думает, что после этой фразы ни одна газета в Советской России не напечатает этого письма. Но эту фразу не мы сказали, эту фразу Груздев сказал. Груздев вообще, между нами говоря, может такие фразы говорить.

Но дело в следующем: последнее время появилось много писателей, которые нагло распространяют слухи, будто и они состоят в Серапионовых братьях. Мы можем заверить государственную официальную критику (это Груздев сказал), что Серапионы остались в прежнем своем составе и никаких новых лиц к себе не принимали и принимать не будут. Что же касается того, что мы будто бы ученики Евгения Замятина, то даем на это следующую отповедь клеветникам. Никогда мы учениками Замятина не состояли и, напротив того, он даже наш ученик. Конечно, мы слышали, что существует какая-то там Студия Замятина, но в Студии этой никто из нас не бывал и даже мы не знаем, что это такое — Студия. Мы это слово в первый раз слышим. (Это Зоценко говорит.) Вообще это недоразумение.

Чуковский тоже наш ученик. Павел Елисеевич Щеголев — тоже. Волынский, Шаляпин... Вообще все наши ученики.

Ах, как приятно, как приятно быть настоящим писателем! С Новым годом, тов. Редактор! Поздравьте нас всех. Левке Каменеву передайте наше нижайшее. Поцелуйте ему ручку. Марье Ильинишне, урожденной Лениной, тоже поцелуйте ручку.

Гонорар за это письмо вышлите шоколадом или ирисками. Лучше ирисками (это Лунц говорит). В крайнем же случае можно костюмами выслать, или, еще того лучше, и костюмами, и ирисками.

Что? Да, товарищ Редактор, с Новым годом, наш сибирский мамонт не хочет ирисок, Я, говорит, не ем ирисок. Он, с Новым годом, т. Редактор, сапогами хочет. Хе-хе! Вы ему уж того... парочку, которая похуже, которая жмет, скажем, ножку Каменеву, хе-хе...

Просим заграничные газеты (с Новым годом) перепечатать это письмо. Гонорар можно шоколадом.

При сем прилагаем портрет Вени Каверина. Напечатайте

где-нибудь. Он, между нами говоря, конечно, не стоит этого, ну да уж того, напечатайте.

До свидания, целуем ручку.

Серапионовы братья.

С некоторых пор в печати утверждают, что я увлекаюсь блондинками, но, напротив того, я по-прежнему обожаю и увлечен шатенками, которые принимают Октябрь.

Ник. Никитин.

Вышлите мне кто-нибудь 8 или 10 германских марок.

Мих. Слонимский.

II. РУКА ВСЕВЫШНЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВО СПАСЛА

Драма в одном действии

Перевод с зулусского Макса и Морица

Авторами пьесы являлись близкие к «В.л.» молодые переводчицы А.И.Оношкович-Яцына и М.Н.Рыжжина (Макс и Мориц, мальчишки-проказники, — имена их стали нарицательными — герои популярной детской книги В.Буша). Сюжет пьесы — борьба с Госиздатом, пытающимся отнять у «Всемирки» «штатную единицу» — секретаря В.А.Сутугину (дружеские прозвища — Вива, Ви-Ви), а также с цензурой, постоянно вырезающей предисловия из книг, издаваемых «В.л.». Действие происходит в кабинете Тихонова, где в его отсутствие происходит заседание Коллегии экспертов, на котором присутствуют Волынский, Замятин, М.Л.Лозинский, Лернер, Чуковский, Алексеев, Браудо, С.Ф.Ольденбург и Сутугина. Замятин предлагает спрятать Сутугину в Дом Литераторов и поставить сторожить ее «отчаянных Серапионов / Их побоятся сам Ионов». Лозинский выдвигает другое предложение: «Нет, пусть ее переведут / На иностранное наречье. / Даст Бог, смертельного увечья / Ей, как другим, не нанесут. / Всемирную Литературу / Прославит этот перевод / Особенно когда возьмет / Евгений Максимыч корректуру / И я ручаюсь, господа, / Что не узнает никогда / Ее не только дерзновенный / И отвратительный злодей / Но даже паж ее смиренный / Вильгельм Альсандрыч Зоргенфрей». Все спорят, на какой язык перевести Сутугину, она согласна «хотя бы на зулусский», лишь бы не идти служить к Ионову, но в этот момент появляется приехавший из Москвы Тихонов и выясняется, что он сумел добиться оставления Сутугиной во «Всемирке». Вот его монолог:

Господа, ценою невероятных усилий мне удалось отстоять секретаря. Я не только согласился на все требования цензуры, но даже счел возможным пойти дальше.

ПУНКТ I. Цензура требует слова «Бог», «Высшая Мудрость», «Вечное Начало», «Единая Любовь» набирать с малень-

кой буквы; будучи с ней совершенно согласен, что всякая религия есть опиум для народа, я предложил набирать с маленькой буквы также слова: Магомет, Будда, Конфуций, Аллах, имена всех святых и всех богов древности, а также Мережковский, Бердяев, Лосский, Карсавин, Волинский, причем за Акима Львовича я поручился, что он и подписываться будет с маленькой буквы.

ПУНКТ II. Цензура требует ставить в кавычки «святой», «святитель»; «великосветский»; я полагаю, господа, что мы продолжим этот список и будем писать в кавычках также: «религия», «церковь», «священник», «дьячок», «старость», «старушка», «салон», «дух», «духи», «благовония», «пшеница», «вино» и «селей».

ПУНКТ III. Совершенно не употреблять слов: «мистический», «духовный» и т.п. Вы понимаете, конечно, господа, что это распространяется и на такие выражения, как «духовная семинария», «духовой оркестр», «духовое ружье» и т.д.

Мною самостоятельно прибавлено еще 4 пункта:

I. В словах, в которых хотя бы некоторая часть является неприемлемой, заменять эту часть многоточием, напр.: «рыцарь» набирать «ры-многоточие»; «убогий» — «у-многоточие-й»; сюда же относятся слова «святки» и «культура», которые следует писать «....ки» и «.....ура».

II. Слова: душа, интеллект, ум, умный, дворец, дворецкий, двор, дворняжка, цепи, ошейник — снабжать подстрочными примечаниями, что они употребляются в дискуссионном порядке.

III. Окончательно и навсегда изгнать букву «ять», которая еще гнездится в некоторых словах. Так: Зам-ят-ин отныне должен подписываться Зам-е-ин, слово приятель будет писаться «приеель», слово «сиять» совсем придется выбросить из употребления, так как если его набирать как «сие», оно покажется чересчур устарелым современному слуху.

ПУНКТ IV и последний. Мы обязуемся вырезать по напечатанию все предисловия из книг.

(К Вере Александровне):

Итак, настал конец печали!

Ви-ви! Мы вас отвоевали!

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

Е.Берг. ДВА ГОДА В ОККУПИРОВАННОЙ ГЕРМАНИИ	7
К.Косцинский. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ	42
Н.Яневич. ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1930-е — 1970-е ГОДЫ	83

Статьи

Д.Анастасьин, И.Вознесенский. НАЧАЛО ТРЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ АКАДЕМИЙ	165
С.Р.Рождественский. МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СССР ПОСЛЕ 1945 ГОДА	226

Из истории культуры

Е.И.Замятин. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТ ОСНОВАНИЯ И ДО СЕГО ДНЯ. Приложение: ОТРЫВКИ ИЗ «ДОМАШНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Публикация В.Троицкого	287
М.В.Муратов. ИТОГИ (1912-1954). Публикация С.Линдина	315
С.С.Гитович. АРЕСТ Н.А.ЗАБОЛОЦКОГО. Публикация В.Смирнова	336

Интервью

Е.А.Гнедин. В НАРКОМИНДЕЛЕ. 1922-1939. Запись А.Мееровича	357
	501

Рецензии

**С.Федоров. И В ЧАСТНОСТИ — О ВЫСШЕЙ ШКО-
ЛЕ** 397

Документы

СУДЬБА КООПЕРАЦИИ. Публикация Н.Шагина 435

**Дополнения, исправления, письма в
редакцию**

**Р.Пайпс. ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ А.ШАНЕЦКОГО,
ПОСВЯЩЕННУЮ КНИГЕ «РОССИЯ ПРИ СТА-
РОМ РЕЖИМЕ». Пер. с англ. В.Аллой** 461

Аннотации 481

Указатель имен 485